

Сергей (Вождь)

Семь шагов круга

Сергей (Вождь)

Семь шагов круга

<https://litres.ru/73438219>

SelfPub; 2026

Аннотация

Семь убийств. Семь символов. Один круг, что не разорван. Следователь Аркадий и журналистка Анна сталкиваются с делом, выходящим за рамки логики: жертвы выбраны не случайно, а их смерть — часть древнего ритуала. Зло не прячется в тени — оно и есть тень. Чтобы остановить его, героям нужно понять: ключ к победе — не в поиске убийцы, а в преодолении собственного страха. История, где мистика прорастает из реальности, а правда страшнее вымысла.

Сергей (Вождь)

Семь шагов круга

Глава 1. Первое тело

Петроград, 13 января 1915 года. В ту ночь фонари погасли на три минуты — все до единого.

Морозный туман стелился над Мойкой, превращая газовые фонари в размытые жёлтые пятна. Когда свет вернулся, Аркадий Ильич Воротынцев уже шёл вдоль ограды, втягивая носом колючий воздух. В три часа ночи город казался вымершим — лишь изредка доносился скрип полозьев да приглушённый окрик ночного патруля. На перекрёстке маячил силуэт городского; его шинель и шапка белели в мутной пелене. Воротынцев замедлил шаг. Что-то было не так. Не звук, не движение — а отсутствие. Тишина слишком густая, как будто город затаил дыхание.

Тело обнаружили час назад. Полицейский у фонаря переступал с ноги на ногу, дыша на озябшие руки. От его валенок поднимался лёгкий пар. При виде Воротынцева он вытянулся, но в глазах — не подобострастие, а страх. Не перед начальством, а перед этим.

— Вот, господин Воротынцев, — кивнул он, отходя в сто-

рону. — Родственники просили... сами знаете.

Воротынцев приблизился. Женщина лежала на боку, прижав к груди замёрзшие пальцы. Чёрное пальто с бархатным воротником; из-под шляпки выбились русые пряди. На первый взгляд, будто уснула. Но в этой позе было что-то нарочитое, как будто её уложили.

Он опустился на корточки. Запах ударил в ноздри: железо, замороженная земля и — едва уловимо — спирт. Кто-то пытался продезинфицировать рану? Или это след вскрытия?

На груди, прямо над сердцем, кожа была аккуратно разрезана. Не рваная рана, не удар ножом — скорее надрез скальпелем. И в этом надрезе, словно вышитый шёлком, темнел символ: перевёрнутый треугольник с тремя точками внутри.

— Ограбления нет, — пробормотал полицейский. — Кошелёк на месте, кольца... Даже брошка. Всё цело.

Воротынцев провёл пальцем по краю раны. Края ровные, почти идеальные. Ни брызг, ни потёков — кровь успела свернуться ещё до того, как тело остыло. Он вдохнул глубже, пытаясь уловить ещё один запах, тот, что мелькнул и исчез. Лаванда? Нет, что-то резче. Лекарство.

— Когда нашли?

— В половине второго ночи. Извозчик на одноконной пролётке проезжал, заметил. Сказал, будто тень сперва принял за сугробик, а потом разглядел... — Полицейский переступил с ноги на ногу. — Я его опросил. Он трясся весь, говорил, что не человек это был. Я, конечно, ему: «Брось, пьяны ты, что ли?» А он: «Нет, ваше благородие, не человек...»

Аркадий поднялся, оглядывая набережную. Следов мало: снег припорошил мостовую, но у самого тела — два отпечатка каблуков, один глубже, другой чуть смазанный. Кто-то стоял здесь, разглядывая жертву. Воротынцев присел, примерил свой сапог к глубокому следу: размер крупный, подошва с характерным скосом на пятке. Знакомый скос. Где я видел такое?

Из тумана проступила фигура. Анна Львовна Шереметева, в сером драповом пальто и вязаной шапке, держала в руках блокнот и карманный фонарь. Свет дрогнул, высветив её сосредоточенное лицо. Она не спешила подойти ближе — замерла в трёх шагах, будто проверяла, можно ли нарушить границу этого места.

— Аркадий Ильич, — её голос звучал сдержанно, но Воротынцев уловил нотку напряжения. — Я опросила извозчика: он видел мужчину в тёмном пальто, уходил в сторону Поцелуева моста. Описание смутное: высокий, шляпа с уз-

кими полями, воротник поднят до ушей. И ещё... — она запнулась, — он обернулся. Я уверена: он смотрел прямо на меня, хотя я стояла в тени.

Воротынцев кивнул. В груди шевельнулось нехорошее предчувствие. Она не должна была там быть. Почему она оказалась на месте? Но спрашивать сейчас — значит дать ей понять, что он боится за неё. А он не имел права бояться.

— Символ, — он указал на рану. — Вам это что-нибудь говорит?

Анна прищурилась, достала лупу. Провела ею над разрезом, всматриваясь в линии. Её пальцы, державшие стекло, чуть дрожали — не от холода, а от внутреннего усилия.

— Похоже на старославянский оберег. Но перевёрнутый. Обычно так изображают защиту от зла, а здесь... наоборот. Словно вывернули смысл наизнанку. — Она подняла глаза. — Вы видели такое раньше?

Он не ответил. Перед глазами всплыла картина: брошенная часовня на окраине города, стены, покрытые странными знаками. Ему было двенадцать, и он не должен был туда заходить. Но зашёл.

Полицейский кашлянул.

— Господа, надо бы тело увезти. А то народ начнёт собираться. Уже и так двое прохожих останавливались, глазели...

Воротынцев ещё раз взглянул на лицо женщины. Спокойное, почти безмятежное. Только в уголках глаз — крошечные льдинки, будто слёзы застыли. На пальце блестело простое медное кольцо — не драгоценность, а детская поделка. Такое дарят на память, а не носят с вечерним платьем. Кто подарил? Почему именно сегодня?

— Кто она?

— Елизавета Андреевна Кольцова, 27 лет. Жила на Галерной. Муж — чиновник в Министерстве финансов, коллежский асессор. Сегодня ночью на службе, в главном здании на набережной.

Аркадий застегнул пальто, поправил шарф. Холод пробирал до костей, но мысль грела: нить есть. Тонкая, скользкая, но есть. Он нахмурился. Где-то он уже видел похожие линии — не в книгах, а в детстве, на стене заброшенной часовни. Но вспомнить точно не мог.

— Поедем к мужу. Выясним, были ли у неё враги, письма,

странные визиты.

В этот момент где-то вдали ударил колокол. Один удар. Потом ещё четыре. Пять — сигнал о начале комендантского часа.

— Если он ещё жив, — добавил Аркадий тихо, — то у нас меньше трёх часов, пока город не замрёт окончательно.

Анна кивнула, пряча блокнот во внутренний карман. Пальцы на мгновение задержались на металлической застёжке — привычное движение, будто проверяла, всё ли на месте. Её взгляд скользнул по медному кольцу на руке убитой. «Такое дарят на память», — подумала она, но не сказала вслух.

Туман сгущался. Где-то вдали пробило четыре удара. Колокол церкви Св. Екатерины звучал глухо, словно сквозь вату. Ветер принёс запах дыма и далёкого печного тепла.

Воротынцев знал: это не последнее тело. И самое страшное — он уже понимал, чьё имя появится в следующем отчёте. И почему.

Но сказать этого Анне он не мог.

Глава 2. Знак

Утро встретило Воротынцева серым светом и запахом жжёного кофе. Кабинет в мансарде на Литейном был мал, но удобен: стол с лампой, полка с книгами, на стене — карта Петрограда с отметками. В углу тикали часы — старый механизм, который Аркадий чинил сам; их мерный стук помогал сосредоточиться.

Анна уже сидела у окна, разложив перед собой стопку пожелтевших газет. Её пальцы, перепачканные типографской краской, переворачивали страницы с методичной точностью. На подоконнике дымилась чашка чая; пар оседал на стекле, размывая очертания улиц внизу.

— Ничего, — сказала она, не поднимая глаз. — За последние десять лет ни одного похожего случая. Но я нашла упоминание о символе.

Она протянула вырезку из этнографического журнала. Бумага хрустела под пальцами — старая, хрупкая, будто могла рассыпаться от одного неосторожного движения.

«Перевернутый треугольник с тремя точками — знак „обратного очищения“. В старообрядческих общинах его использовали как метку для тех, кого считали „осквернёнными“. Однако это скорее фольклор, чем реальная практика».

Воротынцев потёр подбородок. Под ногтями ещё темнели следы ночной работы — грязь с набережной, замёрзшая кровь. Он не успел переодеться.

— Значит, убийца либо знает старообрядческие обычаи, либо хочет, чтобы мы так думали, — произнёс он, разглядывая символ на вырезке. Линии казались знакомыми — слишком знакомыми. Где я видел это?

В дверь постучали. Не дожидаясь ответа, вошёл мужчина в сюртуке, с бледным лицом и дрожащими руками. Его пальто было мокрым от снега, а пальцы сжимали край шляпы так, что костяшки побелели.

— Я — Пётр Васильевич Кольцов. Вы... вы занимаетесь делом моей жены?

Аркадий указал на стул. Тот скрипнул под весом гостя — старый, с продавленным сиденьем.

— Расскажите, был ли у Елизаветы Андреевны кто-то, кто мог желать ей зла.

Кольцов сглотнул. Его взгляд метнулся к фотографии на столе — жена в светлом платье, улыбается.

— Она... она вела тихий образ жизни. Ходила в церковь, занималась благотворительностью. Но неделю назад получи-

ла письмо. Сказала, что это ошибка, но... я видел, как она волновалась.

— Письмо сохранилось?

— Я... я сжёг. Оно было без подписи.

Анна записала. Карандаш скрипел по бумаге — резкий, неприятный звук, будто царапанье ногтей. Она подняла глаза:

— А знакомые? Может, кто-то из прошлого?

— Нет. Она выросла в Пскове, переехала сюда пять лет назад. У неё не было тайн.

Воротынцев посмотрел на фотографию. Улыбка Елизаветы Андреевны казалась искренней, но в глазах — едва уловимая тень. Что ты скрывала?

— Вы уверены? — спросил он, пристально глядя на Кольцова.

Тот опустил голову. Пальцы сжали край сюртука, будто пытались удержать что-то невидимое.

— Она... иногда ходила на лекции в Университет. Гово-

рила, что интересуется медициной.

Но это безобидно.

Аркадий переглянулся с Анной. В её взгляде читалось то же сомнение: безобидно ли?

— Мы проверим. А вы пока оставайтесь дома. Если вспомните что-то ещё — дайте знать.

Когда Кольцов ушёл, Анна закрыла блокнот. Дверь за ним щёлкнула, и в комнате стало тихо — слишком тихо. Даже часы будто замедлили ход.

— Он что-то скрывает, — сказала Анна, проводя пальцем по краю чашки. Чай остыл, оставив на фарфоре тёмный ободок.

— Или боится, — Воротынцев подошёл к окну. За стеклом падал снег, размывая контуры города. На мостовой темнели следы чьих-то каблуков — свежие, будто кто-то только что прошёл. Или ждал.

Он прижался лбом к холодному стеклу. В голове крутились обрывки: символ, кольцо, запах спирта. Почему медицина? Почему лекции?

— Но одно ясно: убийца выбрал её не случайно. Символ

— это послание.

Анна встала рядом. Их плечи почти соприкасались, но ни один не посмотрел на другого.

— Чьё послание? — тихо спросила она.

Воротынцев не ответил. В кармане он сжимал медное кольцо — то самое, снятое с пальца убитой. Оно было холодным, как лёд, но казалось, хранило тепло чьих-то рук.

За окном снег продолжал падать, скрывая следы.

Глава 3. Свидетель

Трактир «У трёх мостов» дышал паром и людским теплом. Закопчённые окна едва пропускали серый утренний свет, а воздух был настолько густым от запахов жареного лука, прокисшего кваса и мокрого сукна, что казалось, его можно резать ножом. В углу гремели костяшками домино извозчики; их грубые шутки тонули в общем гуле — кто-то спорил, кто-то напевал под нос, кто-то хрипло кашлял, выдыхая клубы пара.

У окна, отодвинутого от общей суеты, сидел Иван Дронов — грузный мужчина с рыжей, давно нечёсаной бородой и обветренным лицом, на котором застыло выражение усталой

настороженности. Он грел руки о стакан чая, но взгляд его скользил по залу, будто искал выход.

Когда Воротынцев и Анна подошли и опустились на скамью напротив, Дронов поднял глаза. В них не было ни любопытства, ни желания помочь — только тяжесть, словно он уже знал, что этот разговор добавит ему новых тревог.

— Я же сказал: видел человека у набережной, — буркнул он, не дожидаясь вопросов. Голос звучал глухо, будто из-под толстого одеяла. — Высокий, в пальто с меховым воротником. Шляпа надвинута, лица не разглядеть.

Анна достала блокнот. Её пальцы, тонкие и бледные на фоне потрёпанной обложки, замерли над чистой страницей. Она не торопила — ждала, пока извозчик соберётся с мыслями.

— Во что был обут? — спросила она мягко, но настойчиво.

Дронов нахмурился, потёр подбородок, вспоминая. Его глаза на мгновение затуманились, будто он снова стоял на той набережной, в холодном тумане, где воздух вдруг стал тяжёлым, а лошадь занервничала.

— Сапоги. Чёрные. И... кажется, на правом каблук ско-

шен. Я заметил, когда он шаг сделал. Будто подбивка отлетела или так сшили. — Он помолчал, потом добавил тише: — Странный шаг был. Не как у наших.

Воротынцев достал свой блокнот, но не спешил записывать. Он смотрел на Дронова, пытаясь уловить не только слова, но и то, что оставалось между ними.

— А походка? — уточнил он. — Опишите подробнее.

— Твёрдая. Как у военного. Но не солдат — слишком плавно двигался. Не торопился, но и не медлил. Будто знал, куда идёт. И ещё... — Дронов запнулся, будто не решаясь произнести. — Он не оглядывался. Ни разу. Как будто был уверен, что его не догонят.

Анна быстро черкнула несколько строк. Её взгляд скользнул по лицу извозчика — он избегал смотреть ей в глаза, будто стыдился чего-то.

— Вы сказали, он уходил к Поцелуеву мосту. Куда дальше? — спросила она.

— Не видел. Я остановился, потому что лошадь занервничала. Она вдруг всхрапнула, начала пятиться. Я думал, зверь какой-то выскочил, но нет... — Он снова замолчал, сжимая стакан так, что костяшки побелели. — Воздух стал... тяжёлый. Как перед грозой, только без ветра. Я сошёл с пролётки,

подошёл ближе... вот тогда и заметил тело.

В зале на мгновение стало тихо — мастерские замолчали, кто-то громко звякнул кружкой. Дронов вздрогнул.

Воротынцев положил на стол рубль. Металл звонко ударился о дерево, и этот звук будто разорвал нависшее молчание.

— Если вспомните ещё что-то — найдите меня на Литейном, дом 24.

Выйдя на улицу, Анна поежилась. Морозный воздух обжёг лёгкие; снег хрустел под ногами, будто битое стекло. Где-то вдали завыла собака — протяжно, тоскливо. Звук висел в воздухе, как незаданный вопрос.

— Скошенный каблук — это след. Но мало, — сказала она, застёгивая воротник пальто. Её дыхание вырывалось белыми клубами, растворяясь в сером утре.

— Достаточно, чтобы начать, — Воротынцев взглянул на часы. Бронзовая стрелка застыла на без десяти девять. — Поедем в Университет. Проверим, какие лекции посещала Елизавета Андреевна.

Он двинулся вперёд, но Анна задержалась на секунду, оглядываясь на трактир. Окно, за которым они сидели, было мутным от пара и копоти. Ей показалось, что за стеклом мелькнул силуэт — тот самый, высокий, в пальто с меховым воротником. Она моргнула — никого.

Только тень. Или воспоминание.

— Идём, — позвал Воротынцев.

Она поспешила за ним. Снег продолжал падать, скрывая следы. Ветер принёс запах дыма и далёкого печного тепла. Где-то за поворотом скрипнули полозья — кто-то ехал, не торопясь, будто знал, что время ещё есть.

День только начинался.

Глава 4. Второй случай

Петроград, 15 января 1915 года.

Воротынцев проснулся от настойчивого стука в дверь. За окном ещё не рассвело — лишь бледная полоска на востоке пробивалась сквозь пелену тумана, окрашивая крыши в призрачно-розовый. Он потянулся к часам на тумбочке: стрелка застыла на без четверти пять. Кто в такую рань?

Накинув халат, он прошёл через тёмную гостиную, ощупывая стену в поисках выключателя. Лампочка под потрёпанным абажуром вспыхнула, бросив на пол рваную тень. Воротынцев отворил дверь.

На лестничной площадке стояла Анна. В руках — смятый конверт, пальцы побелели от напряжения. Лицо бледное, губы дрожат, будто она сдерживала крик.

— Аркадий Ильич... — её голос звучал глухо, словно из-под воды. — Ещё одно тело.

Он молча кивнул, давая знак войти. Закрыл дверь, повернул ключ в замке — будто этим можно было удержать ночь снаружи.

— На Васильевском, в переулке у Биржевой линии, — продолжила она, не снимая пальто. — Мужчина, чиновник из Министерства путей сообщения. Тот же символ на груди.

Воротынцев зажёл лампу. Пламя дрогнуло, отбросив на стену рваные тени, будто кто-то шевелился в углах. Он сел на край стола, скрестив руки.

— Кто обнаружил?

— Дворник. Сказал, что шёл на обход в пять утра и... — Анна сглотнула, взгляд скользнул к окну, где туман плотным одеялом окутывал улицу. — Он лежал в луже. Не воды. Кро-
ви.

В комнате повисла тишина. Только часы тикали — слишком громко, будто торопили время. Тик-так, тик-так. Воротынец поймал себя на том, что считает удары.

— Описание? — он уже натягивал сапоги, не глядя на Анну.

— Сорок три года, Николай Иванович Стрельников. Женат, двое детей. Никаких явных следов ограбления. Но... — она запнулась, сжимая конверт так, что бумага захрустела. — На этот раз символ не просто вырезан. Его обвели чем-то красным. Как будто... подкрасили.

Аркадий замер у двери, рука на ручке.

— Подкрасили?

— Да. Словно хотели, чтобы мы его заметили.

Переулок утопал в тумане. Фонари горели, но свет тонул в серой мгле, словно его поглощала сама атмосфера. Камен-

ные стены домов казались выше, а арки — темнее. Воротынцев шагнул к телу, стараясь не наступать в тёмную лужицу у ног мертвеца. Запах железа ударил в нос, но под ним — что-то ещё. Химическое.

Стрельников лежал на спине, глаза широко раскрыты, будто видел что-то за пределами этого мира. На пальто — аккуратная прорезь на груди. И вокруг неё — алый ободок, будто нарисованный кистью. Линия ровная, почти идеальная.

— Это не кровь, — пробормотал Воротынцев, приглядываясь. Он наклонился ближе, вдыхая едва уловимый аромат. — Слишком яркая. И запах...

— Краска, — выдохнула Анна, доставая лупу. Она провела стеклом по краю рисунка. — Масляная. Свежая. Ещё не успела полностью схватиться.

Полицейский, дежуривший у тела, кашлянул, переступая с ноги на ногу. Его дыхание вырывалось белыми клубами.

— Мы оцепили место, но... никто ничего не видел. Тут глухо, только склады да конторы. Утром рабочие придут — может, кто и вспомнит что-то.

Воротынцев провёл пальцем по краю раны. Кожа была разрезана с хирургической точностью — даже ровнее, чем у Елизаветы Андреевны. Он учился, — пронеслось в голове. Первый раз — проба. Второй — уже увереннее.

— Он выбирает жертв не случайно, — сказал он тихо, поднимаясь. — Это ритуал. Первый — женщина, второй — мужчина. Кто следующий?

Анна вздрогнула, обхватив себя руками.

— Вы думаете, будет третий?

Он не ответил. Взгляд упал на ботинок Стрельникова. Правый — с чуть скошенным каблуком. Точно как у человека, которого видел извозчик.

Они вернулись в кабинет на Литейном. За окном моросил снег, смешиваясь с туманом. Капли стучали по стеклу, будто кто-то тихо барабанил пальцами. Анна разложила фотографии тел рядом с вырезками о символе. Её руки дрожали, когда она выравнивала снимки.

— Почему краска? — она провела рукой по лицу, оставляя на щеке след от чернил. — Зачем ему это?

Воротынцев сидел у карты, отмечая места убийств крас-

ными точками. Мойка и Васильевский — далеко друг от друга. Но если провести линию... Треугольник, — подумал он. Или стрелка?

— Он выбирает жертв не случайно, — повторил он, глядя на карту. — Это ритуал. Первый — женщина, второй — мужчина. Кто следующий?

В дверь постучали. На пороге стоял посыльный из полиции. Его шинель была мокрой от снега, а лицо — бледным от холода или тревоги.

— Господин Воротынцев, вам письмо. Принесли в участок. Сказали — срочно.

Аркадий взял конверт. Бумага плотная, запах — тот же, что у тела Стрельникова. Масляная краска. Он повертел его в руках, чувствуя, как внутри нарастает ледяной ком.

Вскрыл. Внутри — один лист. На нём — тот же символ, перевёрнутый треугольник с точками. А под ним — три слова, выведенные алой краской:

«Ты следующий».

Анна побледнела, отступив на шаг.

— Он знает, что мы ищем.

Воротынцев сжал лист в руке. Бумага хрустнула, а буквы будто вспыхнули на мгновение.

— Или хочет, чтобы мы думали, что знает, — ответил он, поднимая глаза к окну.

За стеклом раздался протяжный гудок парохода. Где-то вдали залаяла собака. Звук эхом прокатился по пустынной улице.

Тишина стала слишком громкой.

Глава 5. Подозрения

Утро выдалось серым и злым. Ветер гнал по мостовой клочья бумаги, стучал ставнями, заставлял прохожих ёжиться в пальто. Воротынцев сидел у окна, разглядывая капли дождя на стекле. Они стекали, сливались, напоминая кровь. В голове крутились образы: перевёрнутый треугольник, алый ободок, скошенный каблук. Кто-то вернулся. Но зачем?

В кабинет вошла Анна. В руках — папка с документами, на лице — следы бессонной ночи. Её пальто было влажным от дождя, а пальцы, сжимавшие обложку, слегка дрожали.

— Я проверила архивы, — начала она, не дожидаясь вопроса. — В 1905 году было похожее убийство. Женщина, тоже символ на груди. Дело закрыли как самоубийство.

Аркадий поднял взгляд. В его глазах — ни удивления, ни сомнения, только холодная сосредоточенность.

— Имя?

— Софья Львовна Березина. Жена профессора медицины. Официальная версия — покончила с собой из-за депрессии. Но... — Анна помедлила, открывая папку, — в материалах есть упоминание о странном запахе в комнате. Как от краски.

Воротынцев встал, подошёл к карте. Добавил ещё одну точку — на Петроградской стороне. Чёрная капля на бумаге, словно пятно крови.

— Десять лет назад. И теперь — снова. Кто-то вернулся, — произнёс он тихо, будто разговаривая сам с собой. — Или это наследник? Ученик?

Анна села за стол, разгладила лист с записями. Её взгляд скользнул по фотографиям жертв — Елизавета Андреевна,

Николай Иванович. Что их связывало?

— Я нашла список студентов, посещавших лекции по медицине в Университете. Елизавета Андреевна была в этом списке. И ещё трое: две женщины и мужчина.

Она протянула лист. Аркадий пробежал глазами фамилии. Одна — подчёркнута карандашом.

— Григорий Андреевич Лужин, — прочитал он. — Врач. Работал в госпитале на Выборгской.

— Уволен три месяца назад. Причина — «несоответствие моральным нормам», — Анна закрыла папку. — Я проверила его адрес. Он живёт в доме на углу Садовой и Гороховой.

Воротынцев надел пальто. Ткань хрустнула — он забыл выгладить его после вчерашней вылазки. Неважно.

— Поедем. Но будьте настороже. Если он причастен...

— ...то уже знает, что мы идём, — закончила Анна, застёгивая пуговицы. Её голос звучал ровно, но в глазах мелькнул страх. Или решимость?

Они вышли в промозглый день. Ветер ударил в лицо,

словно пытаюсь остановить. Капли дождя стекали по козырьку фонаря, разбиваясь о мостовую с тихим звоном. Где-то вдали скрипели полозья — извозчик вёз груз, накрытый брезентом.

Анна оглянулась. Улица была пустынна, но ей показалось, что за углом мелькнул силуэт — высокий, в тёмном пальто. Она моргнула — никого.

— Вам показалось? — спросил Воротынцев, заметив её взгляд.

— Не знаю, — ответила она. — Но у меня ощущение, что за нами следят.

Он ничего не сказал. Только крепче сжал ручку зонта.

Дом на углу Садовой и Гороховой выглядел мрачно — старый, с обшарпанными колоннами и окнами, занавешенными плотными шторами. На крыльце сидел кот, вылизывая лапу. При виде незнакомцев он зашипел и скрылся в подворотне.

Они поднялись по лестнице. На третьем этаже — дверь с медным номером 17. Воротынцев постучал. Тишина. Потом — шорох, скрип половицы.

Дверь приоткрылась. На пороге стоял мужчина лет сорока, с бледным лицом и холодными серыми глазами. Его халат был небрежно завязан, а в руках он держал книгу — толстый том в кожаном переплёте.

— Чем обязан? — голос звучал спокойно, почти равнодушно.

— Григорий Андреевич Лужин? — спросил Воротынцев, не дожидаясь приглашения.

— Да. А вы?

— Аркадий Ильич Воротынцев, сыскная полиция. Это Анна Львовна Шереметева. Мы расследуем убийство Николая Ивановича Стрельникова. Вы были знакомы?

Лужин нахмурился. Его пальцы сжали книгу так, что побелели костяшки.

— Стрельников? Да, встречались на медицинских собраниях. Но я не видел его месяцами. Почему вы спрашиваете?

Анна шагнула вперёд. Её взгляд скользнул вглубь квартиры — полумрак, книжные полки, стол с разбросанными ли-

стами. На одном из них — рисунок. Перевернутый треугольник с точками.

— Вы посещали лекции в Университете? — спросила она.

— Иногда. Я интересуюсь новыми методами лечения. Но это не преступление.

Воротынцев сделал шаг ближе. Запах — слабый, но узнаваемый. Масляная краска.

— Где вы были вчера вечером, Григорий Андреевич?

Лужин замер. Его глаза метнулись к окну, потом обратно к Воротынцеву.

— Дома. Читал. — Он поднял книгу. — Вот. «Трактат о хирургических вмешательствах». Можете проверить у привратника — он видел, как я возвращался.

Тишина. Только часы на стене тикали — громко, как молот.

— Мы вернёмся, — сказал Воротынцев, отступая к двери. — И тогда вы ответите на все вопросы.

Лужин ничего не ответил. Только закрыл дверь — медленно, без звука.

На улице дождь усилился. Анна достала платок, вытерла капли с лица.

— Он что-то скрывает. Запах краски, рисунок...

— И книга, — добавил Воротынцев. — «Трактат о хирургических вмешательствах». Он знает анатомию. Умеет резать.

— Но мотив? Почему он это делает?

Аркадий посмотрел на серое небо. Где-то в глубине города прозвонил колокол.

Один удар.

Как отсчёт.

Глава 6. Салон

Дом на углу Садовой и Гороховой выглядел так, словно время обошло его стороной — или намеренно избегало. Высокие окна с чугунными решётками напоминали узкие бойницы старинной крепости. Облупившаяся краска на двери

создавала причудливый узор, похожий на карту неведомых земель. Каменная кладка местами покрылась мхом, а водосточная труба, криво прибитая к стене, издавала протяжный скрип при каждом порыве ветра.

Воротынцев постучал трижды — размеренно, будто отбивал ритм невидимого метронома. Звук разнёсся глухо, будто поглощённый толстыми стенами, и на мгновение показалось, что дом не желает открывать свои тайны.

Через долгую минуту дверь приоткрылась на ширину ладони. В щели показался мужчина лет сорока в поношенном халате с обтрёпанными манжетами. Его лицо было измождённым, будто он давно не знал покоя: под глазами — тёмные круги, кожа — бледная, почти прозрачная. Но взгляд — настороженный, цепкий, словно у зверя, почуявшего опасность.

— Вы к кому? — голос тихий, но твёрдый, без тени растерянности. В нём звучала не просьба, а требование объяснить вторжение.

— Григорий Андреевич Лужин? — спросил Аркадий, внимательно изучая собеседника. Он отмечал каждую деталь: неровный шрам над левой бровью, подрагивание век, сжатые в кулаки пальцы, спрятанные в карманах халата.

Мужчина замер на мгновение, будто решая, стоит ли отвечать. Затем кивнул, приоткрывая дверь чуть шире.

— Да. Что вам нужно?

— Мы расследуем убийства. Елизавета Кольцова и Николай Стрельников. Вы их знали?

Лужин побледнел. Руки дрогнули, будто он пытался удержать невидимую тяжесть. На лбу проступила тонкая струйка пота, несмотря на промозглый холод, проникавший сквозь щели в оконных рамах.

— Знал. Елизавета приходила на лекции. Стрельников... он был пациентом.

Анна сделала шаг вперёд, её взгляд не отрывался от лица врача. Она заметила, как его пальцы нервно теребили край халата, оставляя на ткани едва заметные складки.

— Когда вы видели их в последний раз?

— Елизавету — неделю назад. Она спрашивала о... — он запнулся, подбирая слова, — о методах анатомии. Стрельников был у меня три дня назад. Жаловался на боли в груди.

Воротынцев пристально смотрел на него, отмечая каждую мелочь: подрагивание век, сжатые кулаки, едва заметный блеск пота на лбу. В воздухе витал слабый запах — не то лекарств, не то чего-то химического, будто в соседней комнате проводили опыты.

— У вас есть объяснение, почему на их телах — символ, который вы, как врач, могли бы вырезать с такой точностью?

Лужин рассмеялся. Но смех вышел нервным, рваным, будто сломанная скрипичная струна. Он звучал неестественно, заставляя волосы на затылке шевелиться.

— Вы считаете, что я...? Я лечил людей. Я не убийца.

— Тогда почему вас уволили? — резко спросила Анна, делая шаг ближе. Её голос звучал твёрдо, без намёка на сочувствие.

Врач опустил глаза, его пальцы сжали край халата так, что побелели костяшки.

— Я... проводил эксперименты. Не одобренные. Но это не преступление.

— Какие эксперименты? — Воротынцев шагнул ближе, сокращая дистанцию. Его тень упала на лицо Лужина, создавая причудливую игру света и тени.

— Изучал влияние определённых веществ на нервную систему. Ничего опасного. Но начальство сочло это... неуместным.

В комнате повисла тишина. Где-то за стеной тикали часы — слишком громко, будто отсчитывали последние секунды перед взрывом. Звук эхом отдавался в ушах, заставляя сердце биться чаще.

— У вас есть алиби на ночь убийства Кольцовой? — спросила Анна, не отводя взгляда. Её пальцы сжимали край блокнота, будто она готовилась записать каждое слово.

Лужин вздохнул, его плечи опустились, словно под грузом невысказанного.

— Я был дома. Один. Никто не подтвердит.

Аркадий посмотрел на его руки. Чистые, аккуратно подстриженные ногти — но под ними, еле заметный, алый оттенок. Он казался почти невидимым, но Воротынцев знал: такие детали не бывают случайными.

— Что это? — он указал на пальцы врача.

Лужин вздрогнул, резко спрятал руки в карманы халата, будто пытаясь скрыть улику. Его взгляд метнулся к окну, затем обратно к Аркадию.

— Ничего. Просто... краска для ремонта.

Анна переглянулась с Воротынцевым. В её взгляде читалось: «Он врёт». Она едва заметно кивнула, подтверждая его подозрения.

— Мы вернёмся, — сказал Аркадий, отступая к двери. Его голос звучал спокойно, но в нём чувствовалась скрытая угроза. — И если вы что-то скрываете...

— ...это будет расценено как соучастие, — добавила Анна, открывая дверь. Её рука на ручке дрогнула лишь на мгновение, но она быстро взяла себя в руки.

Они вышли на улицу. Ветер усилился, срывая с деревьев последние листья. Холодные капли дождя ударяли в лицо, но Воротынцев не чувствовал их — его мысли были заняты другим. Он оглянулся на дом. Окна Лужина оставались тёмными, но Аркадию казалось, что за одним из них мелькнул

силуэт — будто кто-то наблюдал за ними.

— Он врёт, — сказала Анна, застёгивая пальто. Её дыхание вырывалось белыми клубами в холодном воздухе. — Видели его ногти?

— Видел, — Воротынцев достал блокнот, листая страницы с заметками. Его пальцы скользили по строкам, будто искали невидимую нить. — Но пока — только подозрения. Нам нужны доказательства.

Он остановился на углу, глядя на мрачный фасад дома. В одном из окон мелькнул свет — или это была игра теней? Ветер принёс отдалённый звон колокола. Один удар.

Как отсчёт.

Глава 7. Жертвы и город

Петроград, 16 января 1915 года.

Воротынцев стоял у окна кабинета, глядя на заснеженную Литейную. Утро выдалось хмурым: небо затянуто свинцовыми тучами, ветер гнал по мостовой обрывки газет и оледенелые листья. Город жил в полумраке — не от времени суток, а от тревоги, что пропитала каждый камень. Где-то вдали грохотали вагоны, но звук тонул в гуле встревоженного города.

Анна вошла с двумя кружками горячего чая. Пар поднялся, растворяясь в холодном воздухе, и на мгновение комната наполнилась уютным, почти домашним теплом. Но это ощущение растаяло, едва она положила на стол папку с документами.

— Я составила портреты жертв, — сказала она, раскладывая листы. — Возможно, это поможет увидеть связь.

Аркадий сел, взял первый лист. Бумага была слегка помята, будто Анна не раз перечитывала записи, ища зацепки.

Елизавета Андреевна Кольцова (27 лет)

Социальный статус: жена чиновника Министерства финансов.

Образ жизни: тихая, благочестивая. Посещала церковь, помогала в приюте для сирот. Соседи отзывались о ней как о «светлом человеке».

Последние дни: за неделю до смерти получила анонимное письмо. Сжёг его муж, но Елизавета волновалась — говорила подругам, что «чувствует тень».

Детали убийства:

Тело обнаружено на набережной Мойки в 1:30 ночи.

Никаких следов ограбления.

Символ на груди — перевёрнутый треугольник с тремя точками, вырезан с хирургической точностью.

На месте — два отпечатка каблучков (один со скошенным краем).

Воротынцев перевернул лист. Второй портрет выглядел почти идентично — но детали меняли картину.

Николай Иванович Стрельников (43 года)

Социальный статус: чиновник Министерства путей сообщения.

Образ жизни: семьянин, воспитывал двоих детей. Коллеги отмечали его скрупулёзность, называли «человеком порядка».

Последние дни: за три дня до смерти обращался к врачу (Григорию Лужину) с жалобами на боли в груди. Говорил,

что «будто что-то давит изнутри».

Детали убийства:

Тело найдено в переулке у Биржевой линии в 5:15 утра.

Также без следов ограбления.

Символ не просто вырезан — обведён масляной краской алого цвета.

На правом ботинке — скошенный каблук (совпадает с отпечатком у Мойки).

Анна провела пальцем по строчкам, её голос звучал тихо, но твёрдо:

— Оба — государственные служащие. Оба посещали лекции по медицине. Оба получили предупреждения: Елизавета — письмо, Николай — боли, которые мог спровоцировать Лужин.

Воротынцев нахмурился, его взгляд скользнул к окну, где снег кружился в безумном танце.

— Но почему именно они? И что за ритуал?

За окном прогремел гудок паровоза. Где-то вдали залаяла собака. Эти звуки казались чужеродными в атмосфере всеобщей настороженности.

С началом войны город изменился. Не внешне — здания те же, улицы те же, — но изнутри. Воздух стал тяжелее, будто пропитанный страхом и недоверием. Каждый шаг, каждый взгляд, каждое слово — под подозрением.

Мобилизация. На каждом углу — объявления о наборе в армию. У вокзалов толпы провожающих, плач, крики. Матери крестят сыновей, жёны прячут слёзы в складках платков.

Дефицит. В лавках — пустые полки. Сахар по карточкам, хлеб с опилками. Женщины часами стоят в очередях, кутаясь в шали, их глаза — пустые, будто уже смирились с неизбежным.

Шпиономания. Каждый незнакомец — потенциальный враг. Доносы, обыски, ночные аресты. В подъездах шепчутся: «Вчера забрали соседа — говорят, немецкий шпион».

Темнота. Уличные фонари горят через один — экономия. По вечерам город погружается в мрак, и в этом мраке шепчутся: «Он снова убил».

Слухи. Говорят, что убийства — дело рук немецких агентов. Или сектантов. Или сумасшедшего врача. Кто-то утверждает, что это «знак свыше», другие — что «месть за грехи».

Анна закрыла папку. Её руки слегка дрожали, но она быстро спрятала их в карманы пальто.

— В этом хаосе легко спрятаться. Но и легко сойти с ума.

Воротынцев встал, подошёл к карте. Две красные точки — Мойка и Биржевая линия. Он провёл линию между ними, затем добавил третью — Петроградская сторона, место убийства Софьи Березиной в 1905 году.

Треугольник.

Точно такой же, как символ на телах.

— Он рисует его по городу, — прошептал Аркадий. — Это не просто убийства. Это... послание.

В дверь постучали. На пороге — посыльный из полиции, в руках — конверт. Его шинель была мокрой от снега, а лицо — бледным от холода или тревоги.

— Ещё одно письмо, господин Воротынцев. Оставили у участка. Тот же почерк.

Аркадий вскрыл конверт. Внутри — лист с символом. Под ним — четыре слова, выведенные алой краской:

«Ты в круге».

Анна побледнела. Её взгляд метнулся к окну, будто она ожидала увидеть там кого-то.

— Он следит за нами.

Воротынцев сжал лист в руке. Бумага хрустнула, а буквы будто вспыхнули на мгновение. За окном ветер ударил в стекло, словно пытаясь ворваться внутрь.

Где-то в глубине города прозвонил колокол.

Удар.

Тишина.

Второй удар.

Сердце сжалось.

Третий удар.

Как отсчёт. Как рок.

Глава 8. Архив

Они отправились в окружной суд — мрачное здание с колоннами, облепленными снежной крупой. Ветер выл в водосточных трубах, а редкие прохожие, кутаясь в шарфы, спешили укрыться от пронизывающего холода. Воротынцев плотнее запахнул пальто, чувствуя, как ледяные иглы пробираются под воротник. Анна шла рядом, её дыхание вырывалось белыми клубами, тут же рассеиваясь в сером воздухе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.